

ПОСТМОДЕРНИЗМ КАК ОТРИЦАНИЕ УТОПИИ

Г.В. Мельникова

Аспирант направления «Философия, этика и религиоведение»

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

614990, г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29

E-mail: Melnikovagalina999@gmail.com

На примере концепций Ч. Дженкса, Ж.-Ф. Лиотара и Ф. Джеймисона анализируются представления о развитии различных общественных явлений (эстетических, экономических и политических) в эпоху после Модерна. Показано, что во всех этих теориях модернизм отрицается как воплощение утопии. Так, в архитектурном творчестве модерниста Ле Корбюзье воплотились черты платоновской утопии (радикализм, имперсональность, уравнительность). Архитекторы постмодернизма, напротив, стремятся к природосообразности своих творений и бережному отношению к историческому наследию. Понятие метанарративов Ф. Лиотара – «больших историй» модерна, которые уступают «малым рассказам» в эпоху постмодернизма, также сближается по своим характеристикам с понятием утопии. В концепции позднего капитализма Ф. Джеймисона утопия преобразуется в «машину желаний», которая призвана заместить способность желать у шизофренического субъекта постмодернизма, так как его собственная возможность продуцировать желания угасает в силу вторичности культуры, преобладания в ней ностальгии и пастиша (эклектического соединения различных эстетических феноменов).

Ключевые слова: постмодернизм, утопия, метанарратив, поздний капитализм, архитектура, коммодификация

Архетипом утопии на все времена стало идеальное общество, описанное Платоном в диалогах «Государство» и «Тимей», противопоставленное им хаосу разваливающегося классического полиса. Платон выделил четыре свойства идеального общества: 1) вневременность: ему грезился социальный строй, который должен быть вечен, неподвижен, исключен из потока истории; 2) имперсональность, уравнительность; 3) упрощение, сводящее образ к немногим простым и ясным сущностям, отношения между которыми очевидны; 4) радикализм [1]. На протяжении веков человечество не оставляло попыток приблизиться к идеальному устройству – будь то распространение всеобъясняющих теорий («метанарративов») эпохи Просвещения, проведение радикальных социальных экспериментов с целью создания рая на земле или строительство «Лучезарных городов».

Постмодернизм объединяет множество различных эстетических и интеллектуальных течений, при этом ряд ученых выделяет его как отдельную

парадигму, включающую совокупность уникальных культурных явлений; другие считают, что постмодернизм – это закономерное продолжение модерна (Ю. Хабермас, Э. Гидденс). К числу последних можно отнести и тех, кто рассматривает постмодерн как очередную стадию развития капитализма, обусловленную прогрессом производительных сил. Например, по Ф. Джеймисону, чей труд «Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма» является примером классического марксистского анализа, постмодерн – это не столько полный разрыв с модерном, сколько неравномерное развитие старых (или «остаточных») и новых (или «нарождающихся») элементов капиталистического общества [2].

Анализ ряда концепций постмодернизма позволяет сделать вывод, что они представляют собой различные варианты отрицания утопии.

Так, модернистские архитекторы вдохновлялись социальной утопией. Ле Корбюзье, в частности, при планировании своих идеальных городов даже предусмотрел, вслед за Платоном, три «сословия» по территориальному признаку. Утопия органично продолжается в архитектурных проектах модернизма, стремящихся воплотить образ города-рая в своем упорядоченном пространстве [1]. Термин «постмодернизм» возник в архитектурной среде как реакция на уравнительную архитектуру модернизма с ее интернациональным стилем и установкой на новизну ради новизны. Понятие «постмодернизм» утвердилось в искусствознании и эстетике благодаря исследованиям американского архитектора, теоретика и критика архитектуры Чарльза Дженкса. При этом особую роль сыграли две его работы: статья «Взлет архитектуры постмодернизма» (1975) и книга «Язык архитектуры постмодернизма» (1977), которую по своему влиянию часто сравнивают с манифестом «Современного движения» Ле Корбюзье «К архитектуре» (1923) [3]. Обозначим, как важные характеристики утопии проявились в модернистской архитектуре, и как они были преодолены в постмодернизме.

От радикализма к неоконсерватизму; от вневременности к историзму. Возьмем в качестве примера проект Ле Корбюзье, получивший название «План Вуазена». Согласно этому плану, территорию Парижа предполагалось расчистить, убрав практически все существующие постройки, и на чистом месте возвести регулярно-геометрический город-сад с поставленными на северной периферии рядами крестообразных небоскребов делового центра, а в соседствующих с ними модулях планировки и в промышленной зоне на юге возвести меандры жилых корпусов управляющей элиты. Кварталы жилищ для рабочих предполагалось разместить поблизости [1, с. 234]. Подобный радикальный проект обновления был задуман Ле Корбюзье и для Москвы, где из исторических зданий должны были остаться только Кремль и Большой театр.

От геометрии — к антиформе. В своём труде «Планировка города» (1933) Ле Корбюзье пишет: «Современный город живет фактически

по прямой: таково сооружение домов, сточных труб, канализации, шоссе-ных дорог, тротуаров и т. д. Движение требует прямой. <...> Кривая губительна, затруднительна и опасна; она парализует. Кривая улица – дорога ослов, прямая – дорога людей. Кривая улица есть результат произвола, беспечности, распушенности, ослабления, животности. Прямая же – это противодействие, деятельность, акты, прямая – результат самообладания. Город – центр интенсивной жизни и работы» [7].

Модернизм рассматривает человека как некое существо, которое можно познавать *numera et mensura*, как и все предметы в мире. В основу архитектурного проектирования на рубеже XIX–XX вв. легли не размеры человеческого тела, как это было раньше, но размеры необходимого человеку жизненного пространства. Эти идеи особенно наглядно воплотились в строительстве социального жилья, «малосемейках», «франкфуртской кухне» и т.п. На смену антропоморфности пришла антропометричность [4].

Постмодернистской реакцией на утопические проекты модернизма стало неоконсервативное течение в архитектуре, возникшее в середине 80-х годов прошлого века. Оно появилось практически синхронно в США (вследствие прихода Р. Рейгана на пост президента США) и в Великобритании (благодаря архитектурной политике принца Чарльза).

Диктату прямых линий и плоскостей в архитектуре функционализма, утвержденной Баухаусом, постмодернисты противопоставили архитектуру органических природных форм (Ф. Хундертвассер), а представители деконструктивизма П. Эйзенман, Р. Мейер, Р. Стерн перегруппируют и иронично осмысливают элементы наиболее рассудочной европейской архитектуры, создавая гиперболизированные фрагменты ранних построек Ле Корбюзье [1, с. 226].

Пространство и функция. Архитектура Баухауса следовала правилу: «форма подчиняется функции» и создавала пространственные объемы, которые отражали конструктивные принципы, лежащие в их основе, и потому тяготели к абстрактности. Архитекторы-постмодернисты, в частности Майкл Грейвз и Чарльз У. Мур, отбросили эту абстрактность и превратили архитектуру в разновидность декорации, имитируя неоклассические колоннады зданий банков или фахверковую конструкцию садовых павильонов и прочих «причуд» XVIII века. Постмодернисты радикально порывают с прежними концепциями пространства: если модернисты рассматривают пространство как нечто требующее оформления во имя социальных целей и поэтому всегда подчиненное конструированию некоего социального проекта, то постмодернисты рассматривают пространство как нечто независимое и автономное, т.е. нечто такое, что может быть оформлено в соответствии с эстетическими целями и принципами [2, с. 792].

Вместе с тем пространства городов меняются вследствие развития технологий: современные средства коммуникации предельно сократили «привычные границы времени и пространства», породив как новый

интернационализм, так и уход от монофункциональных пространств, обладающих способностью поддерживать социальное взаимодействие высокодифференцированным способом. Дисперсные, децентрализованные и деконцентрированные городские формы дают возможности для диверсификации пространств [5, с. 153].

От уравниательства – к человеку. В противовес интернациональному стилю модернизма в качестве сущностной черты постмодернистской архитектуры возникают неоверникуляр и «адхокизм», т.е. «градостроительный к месту» (от лат. *ad hoc* – для данного случая, для данной цели), в соответствии с которым при проектировании прежде всего учитывают реальные условия данного места («контекста») [3]. Правильное использование языка архитектурных форм позволяет создавать сооружения, «понятные» их будущим потребителям, что не считали нужным соблюдать архитекторы-модернисты.

Ряд основополагающих концепций постмодернизма делает акцент на изменении аксиологической основы культуры. В своём труде «Состояние постмодерна. Отчет о знаниях» (1979) Ж.-Ф. Лиотар связывает наступление постмодернизма с появлением постиндустриального компьютеризированного общества, в котором знания стали основной производительной силой. Отныне общество следует рассматривать не как органическое целое (Т. Парсонс) и не как арену борьбы классов (К. Маркс), а как коммуникационную сеть, сплетенную из причудливых языковых игр. Общим положением является то, что постмодернизм выступает с критикой Разума как ядра проекта Модерна. Наука становится лишь языковой игрой наряду с другими и больше не может претендовать на своё превосходство по отношению к иным формам знания [8].

Ж.-Ф. Лиотар формулирует также концепцию «недоверия к метанарративам», ставшую одним из краеугольных камней философии постмодернизма [9]. Понятие «нарратив» заимствовано из литературоведения, однако у Лиотара метанарративы (от франц. «*métarécit*» или «*grand récit*») описывают не что иное, как историю человечества: будь то «понимаемая в просветительском ключе борьба, в ходе которой герой познания работает ради великой этико-политической цели, всеобщего мира» [8, с. 10], или «эмансипация трудящегося», или «жизнь Духа» в концепции Гегеля [8, с. 86]. Метанарратив рассматривает будущее и как прогнозируемое, и как желаемое. Это ярко проявляется, например, в метанарративе Просвещения и в марксистском метанарративе, равно как и в нарративе «освобождения от нищеты», который Ж.-Ф. Лиотар приписывает капитализму [4, с. 10].

Так понятие метанарратива сближается с утопией в том смысле, как ее трактует Н.А. Бердяев: «Утопия всегда заключает в себе замысел целостного, тоталитарного устройства жизни. По сравнению с утопией другие теории и направления оказываются частными и потому менее вдохновляющими» [10, с. 124].

Технократический оптимизм – ещё один важный программный пункт утопии, который постмодернизм безоговорочно поставил под сомнение, указывая на то, что вера Просвещения в науку и технологии как средства человеческого прогресса привела к появлению ядерного оружия, холокосту и становлению тоталитарных режимов. Важно отметить, что постмодернизм не является в данном отношении первопроходцем. Критика идеалов Просвещения, веры в прогресс, упования на человеческий разум активно разворачивалась уже внутри самого модерна, который помимо тенденций, направленных на рационализацию всех сфер общественной жизни и освобождение от прошлого, включал также и компенсаторный «ответ» [11, с. 59]. Уже начиная с Ж.-Ж. Руссо научно-технический прогресс подвергался критике. Критические оценки техники высказывали также М. Вебер, Г. Зиммель, Л. Клагес, Т. Лессинг [11, с. 91].

Таким образом, критика буржуазной культуры, зародившаяся в недрах модерна, в целом создала предпосылки для последующей постмодернистской риторики. Постмодернизм подхватил и развил «позицию, рассматривающую культуру как форму искажения, симуляции, отчуждения, дегенерации и деградации истинных способов бытия» [11, с. 92]. Это суждение, высказанное А.В. Михайловским в процитированном нами труде, представляется адекватным отражением умонастроений, сформировавшим в дальнейшем постмодернистские идейные течения. «Эпоха модерна и капиталистическое общество с их стремлением к массовизации жизни подтолкнули ряд мыслителей (О. Шпенглера, М. Хайдеггера, и др.) писать о современной им культуре как о сугубо объективирующей силе, лишаящей человека субъективности и свободы, превращающей его из цели в средство» [11, с. 92].

Критика культуры эпохи модерна, вместе с тем, ставит и экзистенциальные вопросы о месте человека в мире господства объективности, находящего свое наиболее яркое выражение в технике. В частности, теория «философской антропологии в эпоху технократии» Гюнтера Андерса («Устарелость человека», 1956) повлияла на взгляды Ж. Бодрийяра, что нашло отражение в работе «Почему всё ещё не исчезло», опубликованной французским мыслителем в 2009 г. Ф. Джеймисон характеризует эту книгу как «негативное человековедение модерна» (идушее вразрез с общепринятой позицией «сильного субъекта» в эпоху модерна) [11, с. 377].

К. Маркс в «Капитале» рассматривает современные ему технологии в историко-социологической перспективе и негативно оценивает результаты их применения. Термин «критика капитализма», был сформулирован Вернером Зомбартом, полемизирующим с Марксом и обозначившим в труде «Современный капитализм» (1928) понятие позднего капитализма, что заложило, в свою очередь, основу для дальнейшего критического осмысления эволюции западноевропейского общества. На фоне и антиимпериалистических и студенческих движений 60-х и 70-х гг. прошлого века и

экономического кризиса того же периода марксистские идеи стимулировали интерес к критическим подходам к культуре, идеологии и средствам массовой информации. Эрнест Мандель выделяет третью стадию капитализма («Поздний капитализм», 1975) как эпоху после Второй мировой войны (а не Первой, как это делает В. Зомбарт). Э. Мандель считает, что на этой стадии в эпоху капитализма усиливается господство многонациональных корпораций, происходит глобализация, финансовые рынки интернационализируются, а в духовной сфере жизни общества преобладающей смысло-жизненной установкой становится консьюмеризм. Эти тенденции выделены также Ф. Джеймисоном (1991), который утверждает, что постмодернизм приводит к отказу от прежних понятий времени и истории в пользу нового порядка – постмодернистского гиперпространства. Ф. Джеймисон видит в эстетических формах постмодернизма проблему объектно-мирового представления позднего капитализма, а именно: непрозрачность информационных и коммуникационных сетей, асимметричное планетарное обращение капитала; сложность нового глобального разделения труда, приводящего к разрыву между местами производства и управления, принятия решений и их исполнения, а также между местами производства и потребления [12]. С целью экспликации своей версии позднего капитализма Ф. Джеймисон принимает некоторые принципы и категории описания общества и культуры, разработанные постмодернистскими теоретиками — «шизофренический субъект» (Ж. Делёз и Ф. Гваттари) и «симулякр» (Ж. Бодрийяр).

Ф. Джеймисон отмечает в качестве важной характерной черты культурной логики, которую представляет постмодернизм, одновременный процесс коммодификации культуры и аккультурации рынка, перестроивший способ мышления об отношениях между базисом и надстройкой. Причина, по которой культура, бизнес и политика с этого момента неразрывно связаны, кроется в изменении функции самой культуры в эпоху постмодерна. По словам Ф. Джеймисона, завершение процесса коммодификации, захватившего даже область бессознательного и природу, разрушило автономию культуры и привело к культурному взрыву. Пользуясь терминологией физики волн, можно сказать, что в постмодернизме произошла конструктивная интерференция колебаний культуры и рынка, что суммарно привело к их объединению в волну с большей амплитудой и лишило обе стороны качественной определённости.

В целом, сформулированная подобным образом неомарксистская трактовка постмодерна позволила Ф. Джеймисону выработать свое особое видение утопии. Основываясь на принципе машинерии Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Ф. Джеймисон отождествляет утопию с «машиной желания» – некой заместительной технологией для постмодернистского субъекта, который не способен сам продуцировать собственные желания, не навязанные

механизмами капиталистического общества. Характеризуя постмодернизм как культуру пастиша и репликации, Ф. Джеймисон считает, что утопическое мышление является чуждым для культуры постмодерна, поскольку подлинно утопическая фантазия всегда предполагает разрыв с настоящим. В совокупности все эти особенности постмодернистской культуры обуславливают угасание в ней утопических импульсов [13].

Представленный идейный материал позволяет сделать вывод, что в рассмотренных философских концепциях постмодерн трактуется как преодоление утопических идей модерна. В самой своей сути утопия — это идеал и, как любой абсолют, может пренебрегать всем, что не укладывается в её высшую гармонию. Поэтому при попытках перевести утопию из идеального инобытия в реальность неизбежны столкновения интересов, обусловленные иррациональностью и непредсказуемостью бытия. Н.А. Бердяев отмечал роковой парадокс утопий: «Утопии осуществимы, но под обязательным условием их искажения ... Человек живет в раздробленном мире и мечтает о мире целостном. Утопия должна преодолеть раздробленность, осуществить целостность» [10, с. 354]. Вследствие этого, отрицание утопии можно объяснить неприятием теоретиками постмодернизма самой идеи утопического, которая порождается стремлением к рационализации существования человека и, сближаясь с идеей модернистского метанарратива, по своей сути всегда тоталитарна, а значит враждебна свободе (Ж.-Ф. Литар, Ж. Бодрийяр). Основываясь на упрощенно-контрастной картине действительности, лишенной нюансов и тяготеющей к бинарным оппозициям, утопия отдаёт предпочтение всеобщему благу перед благом индивида.

Ф. Джеймисон обнаруживает причину кризиса утопического в специфических онтологических и гносеологических установках постмодернизма, в самой его природе, которая порождает шизофренического субъекта, неспособного желать. Отмечая коммодификацию культуры постмодерна, Ф. Джеймисон в сущности провозглашает, тем самым, новую тотальность мутировавшего капитализма, и, как раз в утопии, — «машине желаний», «машине обещаний» — автор «Культурной логики позднего капитализма» видит спасительную возможность найти опору в разверзнувшемся глобальной неустойчивостью мире и надежду на светлое будущее.

Список литературы

1. *Иконников А.В.* Утопическое мышление и архитектура. — М.: Издательство Архитектура - С, 2004. — 400 с.
2. *Фостер Х., Краусс Р., Буа Ив-Ален [и др.]*. Искусство с 1900 года. Модернизм. Антимодернизм. Постмодернизм. — Ад Маргинем Пресс, 2015. — 816 с.
3. *Ерохин С.В.* Концепция постмодернистской архитектуры Чарльза Дженкса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 10(84): в 2-х ч. Ч. 1. С. 63-68.

4. *Никифорова Л. В.* Архитектура в антропологическом измерении // Известия Рос. гос. пед. университета им. А.И. Герцена. Общественные и гуманитарные науки: Архитектура в антропологическом измерении. 2005. № 5 (10). С. 309 - 319.
5. *Харви, Д.* Состояние постмодерна: Исследование истоков культурных изменений / пер. с англ. Н. Проценко; под науч. ред. А. Павлова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. – 576 с.
6. *Дженкс Ч.* Постмодернизм в архитектуре / Пер. с англ. А. Филосян. – М.; Екб; Кабинетный учёный, 2021. – 512 с.
7. *Корбюзье Л.* Перевод с франц. С. М. Горного. – М.: ОГИЗ–ИЗОГИЗ, 1933. – 208 с. URL:<https://tehne.com/event/arhivsyachina/le-korbyuze-planirovka-goroda-chast-1-obshchee-polozhenie> (дата обращения 20.04.2025).
8. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко — М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 160 с.
9. *Маслов Е.С.* Понятие «метанарратив» Ж.-Ф. Лиотара в контексте нарратологии (RU) // Философские науки: Журнал. – Грамота, 2015. № 2 (52). С. 151.
10. *Бердяев Н. А.* Царство Духа и царство Кесаря. – М.: Республика, 1995. – 383 с.
11. *Михайловский А.В.* Маятник модерна: дискуссии о технике в Германии. – М.: Академический проспект, 2024. – 495 с.
12. *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или Культурная логика позднего капитализма. Изд. 2-е, испр. / пер. С англ. Д. Кралечкина; под научн. Ред. А. Олейникова. – М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2019. – 816 с.
13. *Вахрушева Е.А.* Постмодернистский неомарксизм Фредрика Джеймисона // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Том 15. Вып. 2, с. 8698.

POSTMODERNISM AS A DENIAL OF UTOPIA

G.V. Melnikova

Perm National Research Polytechnic University
Komsomolsky prospect, 29, Perm, 614990

Using the example of the concepts of H. Jenks, J.-F. Lyotard and F. Jameson the author analyzes ideas about the development of various social phenomena (aesthetic, economic and political) in the post-Modern era. In all these theories modernism is rejected as the embodiment of utopia. Thus, the architectural work of the modernist Le Corbusier embodied the features of Platonic utopia (radicalism, impersonality, egalitarianism). Architects of postmodernism, on the contrary, strive for the naturalness of their creations and respect for the historical heritage. The concept of metanarratives by F. Lyotard — the "big stories" of modernity, which are inferior to the "small stories" in the era of postmodernism, also approaches the concept of utopia in its characteristics. According to the F. Jamison's concept of late capitalism, utopia is transformed into a "desire machine", which is designed to replace the ability to desire in the schizophrenic subject of postmodernism, so his own ability to produce desires fades due to the secondary nature of culture, the predominance of nostalgia and pastiche in it.

Keywords: postmodernism, utopia, metanarrative, late capitalism, architecture, commodification.